

Рефлексируя проблему

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ

Знакомство с материалами коллег только укрепило мое понимание достаточно противоречивой формулировки темы «архаизация и управление». Подавляющее большинство коллег понимает архаизацию как деградацию общества, государства, культуры, личности, как противощивилизационный процесс, как утрату цивилизационного потенциала.

Разночтения возникают в трактовке природы, источников архаизации. Так, В.И. Пржиленский склонен рассматривать архаизацию как следствие модернизации. Но модернизация связана не с архаизацией, а с неизбежно возникающей лиминальной фазой распада старых структур и институтов. Однако этим дело не ограничивается – за стадией лиминальности в процессах конструктивного развития следует новая агрегация, формирование новых структур и институтов, а если этого нет, то это не фаза модернизации, а просто процесс деградации, утраты цивилизационных характеристик и перспектив как обществом в целом, так и каждым его членом. Собственно, именно с этим мы и имеем дело в современной России, это и есть наша общая беда, острое переживание которой, поиски выхода из которой и подвигли инициаторов этого проекта редакции «Философских наук» предложить данную тему.

Смешно обвинять в нынешней российской беде глобализацию, которая дает уникальные возможности и шансы выхода к цивилизационному фронтиру: это возможно только при условии конкурентоспособности, а также способности к реальному партнерскому вхождению в сеть глобализированной экономики. А «архаизированное самоуправление», о котором говорит В.И. Пржиленский, по сути дела, не что иное, как опыт самовывживания, сполна накопленный каждым членом российского общества.

В этой связи малоперспективной представляется точка зрения В.Д. Лаза, согласно которой архаизация есть результат и продукт секуляризации. И «управление» ею, очевидно, заключается в клерикализации общества, в сохранении традиционных идентичностей и, видимо, в отказе от открывающих новые возможности ролевых и проектных идентификаций.

Поэтому я полностью согласен с Е.В. Золотухиной-Аболиной. Согласен, прежде всего, в том, что главная проблема современной России – вопрос о формировании полноценной элиты, способной к открытию новых перспектив развития российского общества и несостоятельности привычных, ничего уже не означающих «означающих», способной выявить новые значимые, о чем так ярко говорит В.С. Плохотнюк.

Нынешний же российский политический класс становится источником, причиной реальной архаизации российского общества, в котором киллер понимается как «чистильщик-санитар» (В.С. Плохотнюк).

Владимир ПЛОХОТНЮК

Архаизацию отождествлять с разложением не следует. Скорее архаизация есть следствие разложения. Гибнет одна форма — это разложение, а на ее место становится другая, более простая, архаичная — в этом смысле архаизацию можно рассматривать как защитную реакцию, замещение разложившихся форм другими с целью сохранения более глубинных структур. Е.В. Золотухина-Аболина предлагает отличать архаизацию-регресс от архаического как универсальной константы, т.е. архаического, никогда не уходившего в прошлое. Это наводит на мысль, что архаическое — это не обязательно деструктивное, что ряд архаических феноменов пульсирует: то сокращается под влиянием всплеска модернизационной активности, то вновь нарастает, возвращая ушедшие символы, ценности, формы отношений. И в этом ряду есть такие архаизмы, которые совсем недавно входили в число констант. Например, религиозность населения. Предваряя возможные возражения В.Д. Лаза, следует отметить, что есть религиозность и религиозность. А именно, религиозность, граничащая с магией (см. М. Элиаде), когда верующий человек просит Господа о земных благах, и религиозность как осознание трагизма истории и добровольное (!) «несение креста», тяжести служения ради Господа и спасения души. Первое, безусловно, архаизация. Второе — модернизационный проект Христа.

Коррупция, безусловно, есть деградация отношений, в том смысле, что в продажу поступает то, что продаваться не должно — должности, звания, выгоды частному лицу, но вредные обществу постановления властных органов и т.п. Может ли быть что-либо хуже коррупционных отношений? Может. Распределение благ без всяких денег — способом прямого вооруженного захвата. Прав не тот, кто первый выстрелил, а тот, кто первый попал. Если в прежние времена «бесплатного высшего образования» можно было продвинуть в вуз по блату или за мзду, отодвинув честно сдавшего экзамен в число «не прошедших по конкурсу», то введение образования за «ПВЗ» (полное возмещение затрат) есть фактически легализация поступления и обучения за деньги. Разве это не «управляемая архаизация»?

Позволим себе еще одну метафору для прояснения идеи «управления архаизацией». Пусть модернизация — это восхождение альпиниста на вершину по неизведанному маршруту. На пути встречается такое препятствие, которое оказывается непреодолимым при оставшихся ресурсах (кончились крючья, кончились веревки, кончились силы). Дальнейшее движение вверх чревато неконтролируемым сползанием, срывом и гибелью. Нужно возвращаться назад до некоторой точки и с нее искать другой путь. Возвращение назад и есть «управляемая архаизация» — отступление от вершины с целью сохранения сил и выбора иных средств и путей.

Примером модернизации, которая едва ли не хуже архаизации может быть реформа системы образования, переход на так называемую болонскую систему. С точки зрения ее сторонников (ни одного, признаюсь, не видел в живую) болонская система дает студенту мобильность, возможность получить образование в разных вузах мира: поступить в любой доступный вуз, набрать в нем некоторое количество кредитных

единиц, а закончить в престижном европейском. Здесь понимание образования и подход к его организации — техно-бюрократические. Современные технологии позволяют детально контролировать поведение студента. Количественные показатели создают иллюзию управляемости. Чем больше показателей, тем выше управляемость. Но сегодня любой преподаватель-практик скажет, что сопровождающая учебный процесс документация становится все более изощренной, а знания школьников и студентов — все хуже. Роль преподавателя, способного дать оценку качества знания и мышления студента сводится все ближе к нулю. Ясно мыслящий студент может не пройти тестирование, а «натасканный» на ЕГЭ абитуриент получить высокие баллы, не имея способностей к интеллектуальной деятельности. Что в этой системе спасает образование, а что разрушает — следует детально разбираться. Возвращение к классической «устаревшей» форме организации учебного процесса, в котором главной целью является развитие творческого интеллекта с субъективной оценкой преподавателя было бы благом.

В.Д. Лаза утверждает идею христианства как модернизационного проекта. Путь человека от греховности к совершенству — «Будьте совершенны как Отец мой» — неоспоримо связан с отказом от архаического, спаянного с природным; отказ от природной страсти есть модернизация, так как историческая перспектива в христианстве и есть путь восхождения человека к Богу от момента его (грехо)падения. Здесь тезис о том, что «не стоит противопоставлять модернизацию и архаизацию», выглядит противоречием или признаком особого понимания «модернизации» и «архаизации»; видимо, под модернизацией автор имеет в виду лишь стиль «модерн» и технический прогресс.

Г.Л. Тульчинский отметил несочетаемость в рамках бюрократического языка терминов «управление» и «архаизация». Если первый термин принадлежит протокольному языку (не в смысле логического позитивизма, а в смысле документального делового дискурса) и имеет ясное содержание — «целерациональный процесс», то второй термин взят из культурной антропологии. Коль скоро речь идет об управлении, то приоритет принадлежит первому термину и для приведения второго в соответствие с первым нужно что-то сделать, а именно, либо найти замену (предложенные синонимы не годятся, так как выражают лишь часть смыслового содержания), либо ввести термин «архаизация» в деловой управленческий язык путем четкого определения его содержания и в дальнейшем отличать это употребление термина «архаизация» от антропологического, содержание которого будет меняться вместе с развитием науки.

Владимир ПРЖИЛЕНСКИЙ

В обсуждении моего центрального тезиса проявилась не только многозначность термина, но и сложность самого феномена. Действительно, могут ли «управители» ставить перед собой такие цели как, например, «успешная архаизация», «глубинная архаизация» или даже «ускоренное старение»? Конечно же, нет. Полной симметрии с модернизацией здесь нет и быть не может. Да и причины архаизации лежат вовсе не в модернизации, а в разрушении одного модерна (тоталитарно-

коммунистического) и в неудачной попытке заменить его другим – (либерально-капиталистическим). Но это уже совсем иная тема. Здесь интересно другое. Надо ли быть творцом процесса для того, чтобы управлять им? Думаю, не обязательно. И конечные цели управления процессом, как, впрочем, и промежуточные, вовсе не обязательно совпадают с реальными итогами процесса.

В данном случае целью является минимизация негативных последствий, сохранение чего-то важного, что может погибнуть в процессе архаизации, а может и быть сохранено. Более того, может быть именно управление позволит направить этот процесс в сторону от магистрального и пагубного пути, а может и побудить к новому созиданию. В данном случае грех не вспомнить перипетии истории позднеермского общества, которое под натиском варваров впало в настоящую архаику, заменив социальные формы и институты зрелой Античности на варварские установления готов. Но затем из всего этого появилась новая Европа со всеми ее гуманитарными ценностями, уникальной личностью и открытым обществом.

Таким образом, сам факт признания архаизации еще не обязательно означает однозначную трактовку ее характера и содержания, как, впрочем, и причин ее вызвавших. Трудно согласиться с позицией В.Д. Лаза, которая понимает под архаизацией секуляризацию, относя тем самым начало процесса к значительно более ранним временам, нежели те, которые рассматриваются в моей статье. В данной позиции фактически речь ведется об архаизации ценностей, а не институтов.

Можно ли отождествить архаизацию с деградацией и распадом социальных структур? Похоже, эта точка зрения близка многим участникам дискуссии. Действительно, грань здесь провести не так уж просто, но сделать это надо. Когда сотрудники правоохранительных органов думают не о выполнении собственного долга, а о тривиальном обогащении, то с неизбежностью наступает распад и деградация, масштабы которой соответствуют масштабам того самого неисполнения своего долга. Когда же люди находят замену исчезнувшему правопорядку, ища справедливости у криминальных или полукриминальных структур, могут возникнуть (и повсеместно возникают) новые социальные институты. Эти институты, нравится это кому-то или нет, функционируют и охраняют общество от полного исчезновения. Хотелось бы современных институтов, но в условиях их отсутствия с неизбежностью появляются архаичные.

И, наконец, последнее. Архаизация не есть возврат к архаике. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Печать былого «пребывания» в модерне неизгладима. Об этом не говорят и, скорее всего, не думают ревнители старины. Вот почему сторонники расовой чистоты, первобытно-общинной справедливости или чистого ислама во имя архаики всегда изобретают жуткий и бесчеловечный сверхмодерн, подлинным смыслом которого становится грандиозное насилие. В этой связи интересны размышления С.С. Аверинцева об удивительной судьбе византийского общества и его культуры. Постигшая наследников греко-римского Запада ориентализация, не превратила их ни в полноценный Восток, ни в типичную архаику. Но вот произошедшее в византийском обществе

замещение моралью права и многое другое из этой же серии, не оставляют сомнений в том, что архаика, хотя и присутствует в так понятом «постмодерне», но в изрядно трансформированном виде. Если на Западе постмодерн — это избавление от «зацикленности» на модерне или даже окончание одержимости модерном, то на Востоке постмодерном можно называть и демодернизацию, и ориентализацию, и архаизацию.

Следует заметить, что в движении к модерну в нашей истории всегда проглядывается социальная жертвенность. Для того, чтобы вырастить класс «европейски образованных» дворян, великому царю-реформатору понадобилось вводить в само «социальное тело» мобилизационные порядки (от госслужбы до крепостного права). Архаизационный потенциал такого действия сегодня очевиден, как очевиден он и при рассмотрении действий большевиков, уничтожавших это самое дворянство во имя обновления. Не менее показательны и последующие реформы, когда создание финансовой системы западного типа оказалось возможным лишь в обмен на фактическое уничтожение высокотехнологичных производств, науки, образования. И каждый раз вера в то, что число приобретений превысит количество потерь, оказывается сомнительной. Перефразируя известные слова Хайдеггера о технике, можно сказать: если мы не хотим управлять архаизацией, то мы отданы ей для худшего.

Аннотация

В журнальной дискуссии обсуждаются теоретические и практические вопросы, вызванные серией явлений, процессов и тенденций, объединенных общим названием «социальная архаизация» и означающих движение общества от более сложных форм к более простым и примитивным. Критическому анализу подвергается тезис, согласно которому архаизация есть особый социальный процесс, который мог бы стать объектом управления.

Ключевые слова: архаизация, модерн, управление, институты, ценности, социальные изменения, социальные процессы.

Summary

In this panel discussion certain theoretical and practical problems are treated, dealing with a series of phenomena, processes and tendencies, brought together under the general title «social archaization» meaning the backward movement of society from more complicated forms towards more simple and primitive. The statement is argued, according to which archaization is a specified social process that could be made prone to management and control.

Ключевые слова: архаизация, модерн, управление, институты, ценности, социальные изменения, социальные процессы.